

ТЮРКСКИЙ МИР КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ

Развитие духовной культуры каждого народа находит свое отражение в языке, истории культуры, географическом пространстве. История государственности на казахской земле является одной из актуальных тем не только Республики Казахстан. Нынешние реалии общества в контексте современной истории народов привели к пробуждению самосознания и стремлению определения самоидентичности всех этносов теперешних государств на территории Евразии. Застой исторической мысли в рамках СССР с попыткой создания «советской» нации, являясь искусственным барьером, не был преодолен и в СНГ. Видимое, осязаемое, узнаваемое казахстанскими историками, измеряемое тысячелетиями, подтверждаемое документальными, этнографическими и археологическими источниками развитие народа на исконно казахской земле не стало аксиомой даже для ближайших пограничных с нашей страной соседей, что служит основанием для всякого рода инсинуаций, периодически озвучиваемых в СМИ.

Каким образом формируются этногеографические границы государств? На каких критериях основывается этническая идентичность? Что находится в основе идеологии конкретного общества?

Такие мысли приходят в голову в связи с историей 550-летия Казахского ханства, созданного ханами Жанибеком и Кереем в долине реки Чу/Су. Случайно ли это?

Развитие духовной культуры каждого народа находит свое отражение в языке, истории культуры, географическом пространстве. В формировании ономастики, его этимологии виден весь спектр веками сложившихся традиционных представлений, связанных с жизнью, условиями развития и достижений народа. В особенностях эволюции языка можно проследить генетическую память народа, его гражданскую позицию. Лексикологические и этимологические исследования наименований географических топонимов и антропонимов Казахстана помогают увидеть, как развивался язык казахов, их богатое историческое прошлое. Историю формирования казахских топонимов можно проследить по эпическим произведениям, являющимся бесценным источником для изучения вопросов развития антропонимии и топонимии.

Комплексные исследования антропонимов и топонимов, зафиксированных в лирико-эпическом дастане «Козы Корпеш — Баян Сулу», говорят в пользу того, что данное произведение можно использовать в качестве источника по истории этнической и языковой

культуры казахов. Поэма «Козы Корпеш — Баян Сулу» создана в VI — XII вв., и в ней называются 75 географических наименований, среди которых 32 гидронима, 22 оронима, 21 ойконим, наряду с которыми перечисляются 50 антропонимов. Все они представляют собой особую историческую ценность и являются ценным лексикологическим материалом. Ввиду того что большинство топонимов, упоминаемых в поэме, встречаются и поныне, можно с уверенностью говорить об истоках их формирования именно на исконной территории в пределах Казахстана.

Золотая пластина с изображением птицы. Мерке, могильник Каракыстақ-1

Тюркские монеты с портретами правителей и их тамги

Статуэтка служителя культа. Долина реки Чу

Мужская и женская статуи. Святилище Мерке

Обряд заключения договора. Восточный Туркестан

В дастане названы такие известные гидронимы: Аякөз, Есіл, Нұра, Сарысу, Ұзынбұлақ, Балқаш, Жайылма, Лепсі, Ұржар, Іле, Шу, Талас, Бақалы, Зайсан, Жетісу.

Оронимический ряд представлен следующими наименованиями: Алатау, Қаратау, Сауыр, Сойқал, Шынғыс, Қалба, Мыржық, Ақшатау.

Среди ойконимов поэмы упоминаются: Қызылжар, Қарқаралы, Ташкент, Қоқан, Ақжар, Өленті, Шідерті, Шолаққорған, Қаракөл, Түркістан.

Вернемся в долину реки Шу. Одним из важных топонимов является наименование горного хребта Кіндіктас, протянувшего свои гряды с юго-востока на северо-запад, в этом же направлении расположен горный хребет Хантау, а с запада долины рек Шу и Талас на север протянулся хребет Каратау.

Названные районы насыщены многочисленными памятниками всех эпох развития человека начиная от каменного века, тюркских каганатов, караханидского государства и до создания Казахского ханства.

Обратимся к вопросу развития казахского языка, являющегося неотъемлемой частью кыпчакской группы языков. Представляет интерес, что формированию письменного литературного языка кыпчаков предшествовал период расцвета языка хакания и карлукско-

кыпчакского языков. Обратимся к труду Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» (1072 г.), представляющему собой бесценный памятник тюркской письменности, основанный на сравнительном анализе материалов, используемых в среде тюркоязычных племен, населявших Туркестан, большую часть которого составляла территория современного Казахстана от Иртыша до Сырдарьи включительно. В словаре содержится много грамматических и диалектологических замечаний по языкам тюркских племен; в нем приводится 291 пословица и поговорка и около 300 отрывков песен различного содержания, а также четверостишия. В словаре отражена лексика 31 тюркского диалекта, которые были распространены в XI веке в тех районах, где Махмуд Кашгари собирал материалы. Всего имеется 414 помет, из них лишь 21 помета указывает на один диалект. В словаре зафиксировано 10 слов с пометой «уйгур». По утверждению Махмуда Кашгари, хотя уйгуры и говорили по-тюркски, они имели также язык, на котором общались между собой и пользовались особым письмом, состоящим из 24 знаков. А самым легким является язык огузских племен, самыми правильными — языки тохсы и ягма: лишь при 12 словах стоит помета «ягма» и при пяти — «тохсы». Это свидетельствует, что представители этих племен уже имели сложившийся язык. Правящая верхушка, придворные круги всегда и везде предпочитали разговаривать или на иностранном языке, или на родном, но пользуясь высоким стилем, далеким от разговорного языка. Таким нам представляется язык хакания, о котором часто упоминает автор. По всей вероятности, этот смешанный язык лег в основу литературного языка государства Караханидов. В данном языке было мало арабских и персидских элементов, сложных арабско-персидских оборотов и сочетаний, но он изобиловал архаизмами. Многие из них были достоянием лишь литературного языка.

Период формирования огузского языка произошел в карлукско-караханидскую эпоху. В огузский письменный язык вошли как полноценные компоненты диалекты кыпчаков, йемеков, печенегов и болгар. Огузский письменный язык также был смешанным. Пометы, сделанные Махмудом Кашгари к тюркским словам, свидетельствуют, что автор жил и собирал свои материалы там, где преобладали огузские племена, в соседстве с которыми были компактно расселены чигили, аргу, кыпчаки. Истолкование остальных помет показывает, что такие роды и племена, как ягма, ябаку, йемек, тохсы, кай на территориях, где путешествовал Махмуд Кашгари, не составляли компактной массы населения и были в значительной степени смешаны с основным населением и... их говоры почти слились с огузскими, кыпчакскими, чигильскими, аргу диалектами.

Основная часть огузских племен населяла территории от низовьев Сырдарьи до Аральского моря и далее, охватывая Хорезм, низовья реки Амударьи, вплоть до Каспийского моря. Соседями огузов были кыпчакские племена, которые часто смешивались с огузами.

Кыпчакские племена в этот период населяли территорию от реки Иртыш на востоке до низовьев Сырдарьи. Чигили занимали территорию севернее озера Иссык-Куль до реки Или и далее на запад до реки Шу. Их соседями на юге были карлукские племена, территория которых распространялась до Тараза-Таласа, а на севере до Шу. К примеру, многие из слов, приводимых Махмудом Кашгари, исчезли, но сохранившиеся: құм — песок, оң — правый, сіз — вы в словаре помечены «чигиль».

Культурный центр описываемого периода — Баласагун — находился в очаге расселения племен аргу, чигиль, карлук. Сам факт обитания названных племен на той территории, где формировался смешанный литературный язык, отличный не только от староуйгурского, но и от новоуйгурского, дает основание предполагать, что языки чигильских и курлукских племен внесли заметный вклад в этот литературный язык. Большое количество помет «аргу» свидетельствует, что Махмуд Кашгари, по-видимому, жил и собирал материалы среди племени аргу. По его словам, аргу жили на территории между Испиджабом и Баласагуном, по среднему течению рек Талас и Шу. Города Баласагун, Мерке, Талас до некоторой степени были населены аргу и... можно предполагать, что территория, занятая племенами аргу, простиралась до среднего течения Сырдарьи, где жили огузские племена.

В связи с темой родства огузов и кыпчаков следует обратиться и к легендарным преданиям, эпическим произведениям о происхождении кыпчаков, сохранившимся в целом ряде источников. По версии, записанной историком монголов лейб-врачом Фазлаллах Рашид ад-Дином в труде «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»), генеалогическая история кыпчаков непосредственно связана с огузами, и эпоним «кыпчак» явился следствием имянаречения самим легендарным Огуз каганом. Рождение мальчика на острове, образуемом течением двух рек, в дупле дерева, именуемом на тюркском «кыпчак» и послужившем поводом для его имянаречения ханом, описывается и у другого автора Абульгази хана Хивинского. О связи кыпчаков с огузами и Огуз ханом, а также эпонима «кыпчак» с деревом говорится и в уйгурской рукописи «Огузнаме».

Информация об идеологическом комплексе кыпчаков с ценными сведениями об их этнонимах, тамгах и уранах содержится в этнографических источниках. В китайских источниках и в

древнетюркской рунической Онгинской надписи семь племен се-яньто названы *jetı eren* «семь мужей-предводителей». Этим племенам покровительствовало семизвездное скопление Плеяд. В труде Махмуда Кашгари и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина племя с тем же названием указано в одном и том же списке огузских племен. Анализируя тамгу этого племени, Г. Н. Потанин отмечал, что ее «рисунок представляет собой три наклонно расположенные линии, заканчивающиеся вверху стилизованным изображением звезд. Слева от них имеется изображение лука. Этот рисунок совпадает с рядом наскальных изображений». Название племени соответствовало переданному у М. Кашгари уркер, значившего «лось». Ураном кыпчаков был «байтерек», являющийся символом дерева, в котором был рожден предок кыпчаков.

В письменных источниках, написанных на разных языках: китайском, арабском и персидском, сведениях сирийских, итальянских, грузинских, армянских, в древнерусских летописях сохранилось огромное количество информации по истории средневековых тюркских племен, населявших в ту эпоху степи Центральной Азии, Казахстана и Восточной Европы. В достаточной степени достоверные, информативные по своему содержанию сведения письменных источников позволяют выявить характер этнических и культурных связей в эпоху Средневековья, с проекцией на широкие пространства Евразии. Результаты перекрестного анализа данных археологии и этнографии тюркских племен указывают на совпадение сведений письменных источников с данными по археологическим памятникам. Комплексный анализ археологических источников, позволивший прийти к выводам по хронологии изученных комплексов и выявить особенности генезиса культуры тюркских племен, совместно с данными по их этнографии, послужил основой для реконструкции общих характерных черт, процесса культурной и этнической консолидации тюркских народов Средневековья на описываемом пространстве.

Длительное проживание на одной территории, в ранний период на востоке и с первых веков на западе Туркестана, в казахских степях способствовало формированию целостных идеологических представлений об устройстве мироздания. Общие истоки традиционного мировоззрения тюрков, восстановленные по данным о легендарных преданиях, описанных в письменных источниках, нашли отражение во многих видах культового искусства. Факты, подтверждающие реальность бытования в тюркской этнической среде мифов, вера в которые пронизывала духовную культуру населения, нашли отражение на многих памятниках прикладного искусства.

Из источников известно, что центром территориальных владений народа десяти стрел являлась долина реки Чу/Шу, на территории которой письменные источники локализовали политические ставки Западного Тюркского каганата: Суяб, Мерке, Невакет. Каждый из центров, представлявших собой экономический и политический мегаполисы, функционировавшие в разные периоды развития каганата, сохранились до современности в виде развалин городищ и частично изучены археологами.

Составленная в контексте исторического развития культуры средневековых тюркских племен база данных, состоящая из комплекса источников, позволяет научно аргументировать процесс развития и становления государственности западных тюрков на территории казахской степи и Приыссыккуля. Результаты анализа комплекса исторических источников, археологических материалов, антропологических, этнографических, эпиграфических данных, нумизматического материала, данных сфрагистики и других позволяют выявить характерные черты эволюции этнической культуры средневековых тюркских племен. Полученные данные позволяют также выявить особенности процесса последовательного развития в пространстве Средней Азии, Северного Кавказа, Восточной Европы.

В контексте приведенной выше информации необходимо обратиться к данным по локализации культовых памятников святилищ Мерке и Жайсан и результатам анализа содержания погребальных сооружений, ритуальных конструкций с тюркскими статуями, культовых мест с тамгами, алтарями и петроглифами. Сакральные территории на святилище Мерке занимают площадь более 97 тысяч гектаров, на святилище Жайсан культовые сооружения компактно расположены на площади около 65 тысяч гектаров. Все составляющие части культовых и мемориальных комплексов подчинены единой мировоззренческой идее — модели мира тюрков, основным понятием которой являлась неделимость организованного природного и социального пространства. Модель мира в представлении тюрков — это идея неразрывного единства Неба/Тенгри и Земли-Воды/Жер-Су (А. Досымбаева).

По сведениям китайских источников, западные тюркские каганы поклонялись верховному божеству Тенгри и для совершения ежегодного жертвоприношения 5 мая направляли верховных сановников к священной пещере предков. По данным профессора Т. Осавы, локализация столичных центров в предгорной и горной местности совместно с проведением традиционного ежегодного ритуала жертвоприношения в горной пещере является отражением обряда поклонения верховному божеству Тенгри, обитающему в

сакральных горах. Обладание священной территорией сакральных гор (хребет Кіндіктас) являлось гарантией могущества кагана, «значившего, что он являлся не только политическим и военным лидером, но также что личность кагана становилась олицетворением культово-культурного лидера среди единоплеменников. И это могущество являлось гарантией его власти и независимости в будущем».

Исследователь полагает, что концентрация в предгорной и горной степи погребальных курганов и памятников с каменными изваяниями, надписями, наскальными рисунками со сценами охоты является тому подтверждением (Т. Осава).

Результаты комплексного анализа сведений арабских, китайских, сирийских письменных источников привели исследователя к выводу о том, что описываемые традиционные ежегодные ритуалы поклонения и жертвоприношения своим богам западных тюркских племен проходили в районах расположения родовых земель. В связи с тем, что, по источникам, места постоянного обитания западных тюрков локализируются в географических пределах Туркестана, ученый пришел к выводу, что их священными, сакральными горами являлись горы Тянь-Шаня, а степи вокруг них были родовой землей Тюркского каганата (Т. Осава).

Факт локализации центров средневековых тюрков на описываемой территории отражает идею сакрализации пространства, выраженную в почитании окружающей природы. Представляет интерес с этой точки зрения этимология топонимов местности. Основу этимологии слова в названии реки Шу (Шу — Су/Вода) составляет значение, которое является символом одного из главных божеств тюркского пантеона Жер-Су.

На территории локализации сакральных земель тюрков, в долине реки Шу, расположены горы Хантау. В средневековых письменных источниках сообщается, что племена огузов — хандагов/хантауских — населяли земли в долине реки Рузы. отождествление реки Шу, берущей начало в горах Тянь-Шаня, с Рузой, по мнению С. Агаджанова, не вызывает сомнения. Автор пишет и о сходстве значения топонимов, служивших для обозначения реки Чу — Шу (на тюркском языке) и «руза» — «guz» — в древнеиранском, имевших значение «течь, литься, бежать». Этот ряд сопоставлений дополняется идеологической символикой «белого потока» Млечного Пути — Куян/Киян. «В понятие «киян» входило не только представление о божественной (земной и небесной) реке, но и собаке, также носившей следы тотема, которому поклонялись и гнева которого боялись» (Ю. Зуев).

Результаты антропологических исследований, позволившие прийти к выводам о том, что «современные казахи представляют собой единую историческую и этнокультурную общность и гомогенную антропологическую целостность, сформировавшуюся исключительно на их исконной территории», еще раз подтверждают доказательность концепции автохтонного характера процесса генезиса этнической культуры средневековых тюркских племен на территории Туркестана.

Древние традиции металлургии, интенсивно развивавшейся в периоды эпохи бронзы, раннего железного века, ко времени выхода на историческую арену тюркских племен, владевших собственными эталонами передовых образцов вооружения, переданы в лаконичном определении, сохранившемся в китайских письменных источниках, как «плавильщиков железа». Сирийские источники описывают, что во время встречи послов из Византии в Таразе тюрки предлагали не только различные изделия из кожи, металла, ювелирные украшения, но и образцы железистой руды и слитки железа в качестве доказательства обладания сырьевыми запасами, развитой металлургии в стране и демонстрации своего могущества.

Одним из важных исторических источников, служащих в качестве подтверждения выводов о генезисе культуры тюркских племен Средневековья в казахской степи и Средней Азии является нумизматический материал. Крупными центрами денежного обращения являлись Тараз, города Южного Казахстана и древний Шаш (Ташкент). В связи с анализом иконографии каменных скульптур, изображающих обожествленных предков, особенностей стиля изображения персон и их поз, переданных в каменных статуях тюркских святилищ Мерке и Жайсан, надо отметить, что они находят прямые параллели в стиле изображения портретов правителей государств на монетах, сопровождаемых тамгами и письменностью. Исследования в области развития тамговой практики, изучение форм знаков собственности, которыми маркированы сакральные земли в районах локализации святилищ Мерке и Жайсан, различных культовых объектов, иконографии изваяний, стел, ритуальных курганов и оград, позволили произвести дополнительную аргументацию тезиса о процессе генезиса этнической культуры западных и восточных тюркских племен на территории средневекового Казахстана. Широкое распространение традиции использования тамг в различных сферах жизненной деятельности, в маркировке территориальных владений, в качестве опознавательных знаков, племенной и родовой принадлежности, на памятниках монументального искусства, в чекане денежных средств и многом другом являлось одним из признаков, характеризующих своеобразие этнической культуры тюркских номадов.

Тюркские тамги, известные по материалам святилища Жайсан и интерпретируемые как тамги народа он ок будун, имеющие аналоги среди тамг из Кыргызстана, которые сопровождаются руническими надписями, а также близкие по своей форме тамгам на монетах из раннесредневекового Шаша, являются вескими, убедительными источниками для исторических реконструкций. Аналогичные выводы получены в результате анализа родовой тамги тюргешей, которые высечены на скалах, каменных изваяниях, монетах из Шаша, Восточного Туркестана и Южного Казахстана.

В казахской этнографии до современности сохранилась традиция ношения тумара — оберега, напоминающего ромбовидную или треугольную по форме тамгу. Тамгой казахских родов шапрашты и ошакты также является тумар. В смысле функционального назначения ромбовидные тамги — обереги, высеченные на скалах, служили для маркировки границы сакральной зоны святилища Жайсан. С другой стороны, присутствие описываемой формы тамги на тюркских монетах Южного Казахстана, Шашского оазиса VII — VIII вв. позволяет выделить такие знаки в разряд этнокультурных эталонов определенной эпохи развития тюркских народов, центральные владения которых были расположены в бассейне реки Шу.

Семантика описываемого знака, несомненно, взаимосвязана с солнечным культом. Для понимания содержания такого знака весьма плодотворным может оказаться сопоставление тамг в форме круга с родовым знаком дулатов из Старшего жуза. Сами дулаты называют свою тамгу в двух вариантах: донгелек — круг (на каз. яз.). Но в народной традиции есть выражение «күн таңбалы дулат», означающее «дулаты с солнечной тамгой». И по сегодняшний день подразделение рода дулат — ботбай занимает родовые земли в описываемых местах и до этнографической современности, они выбивали тамги, основу которой составляет изображение круга на тех же скалах, на территории локализации святилища Жайсан. Целая серия близких по форме родовых тамг с различными вариациями дополнительных черточек в круге или на древке получила распространение на территории долины реки Талас, в предгорьях Каратау.

Тамгу, в основе которой изображен круг, можно идентифицировать с родовым знаком усуней. В устной традиции казахи Старшего жуза считают себя потомками усуней, а старшая орда в некоторых источниках называется как усуньская, причем в том же ареале обитания, что и сейчас. В контексте анализа тамг племен Старшего жуза обращает внимание, что основу знака составляет круг, символизирующий собой солнечный культ.

Круг с различными вариациями как основа тамги присутствует у родов албан (күн таңба/солнечная тамга), қаңлы (күн таңба/солнечная тамга), суан (күн таңба/солнечная тамга), сары үйсін (абақ, аемиш), дулат (абақ, дөңгелек), сиқым (күн таңба/солнечная тамга), жаныс (күн таңба/солнечная тамга), ботбай (күн таңба/солнечная тамга) (слово «күн» с каз. яз. значит «солнце»). Среди родов Младшего жуза круг составляет основу тамги рода кердери, ромадан, генеалогия которого имеет очень древние корни, и представителей рода табын. Исследователи отмечают, что уран, боевой клич у ромаданов — «дулат» — и сходство родовых знаков свидетельствуют, что все названные выше роды происходили из Старшего жуза.

Материалы тюркских памятников из святилищ Мерке и Жайсан, Кумай позволяют иллюстрировать дальнейший процесс миксации культур, происходивший на земле Казахстана в IX — X веках. Результаты комплексного анализа памятников позволяют выявить причины последующей миграции отдельных тюркских этносов в западном направлении, в Волго-Донской регион, на Кавказ и на территории, расположенные к югу от Средней Азии, в Иран и Малую Азию.

Наряду с процессом движения части тюркских племен в западном, южном и восточном направлениях, прослеживаемых по материалам археологических памятников, данным письменных источников, основная часть тюркских племен остается на коренных землях, в пределах географии современного Казахстана. Процесс генетической преемственности этнической культуры тюркских и казахских племен, составивших этническое ядро казахского народа, прослеживается по всем основным признакам, составляющим традиционный этнокультурный комплекс казахов.

Опыт изучения проблемы развития стационарных поселений в пространстве и времени, сравнение полученных данных позволили прийти к выводу об их связи с традицией сооружения поселений у казахов. По данным исследователей, территориально указанный процесс наиболее отчетливо прослеживается в Жетысу и Южном Казахстане. По наблюдению ученого, «одной из характерных особенностей поселений южных кочевников является их тесная связь с погребально-культовыми комплексами..., которые формировались в местах длительного зимнего стояния и приобретали характер особо почитаемых святынь». Исследователь полагает, что «одним из факторов жизнеобеспечения, опорным элементом материальной культуры... являлось поселение, так как без оседлости в принципе невозможна нормальная жизнедеятельность, хозяйственное и культурное воспроизводство» (С. Ажигали).

Исследования С. Жолдасбаева в предгорьях Каратау показали, что традиции создания стационарных поселений в казахской этнокультурной среде имеют непосредственную связь с таковыми более ранних периодов развития и тюркской эпохи в том числе. Изучение проблемы позволило автору произвести дифференциацию казахских поселений, функциональное назначение которых было напрямую связано с конкретным типом хозяйствования и экономическими нуждами. Сеть кыстау, временных и стационарных поселений развивалась параллельно с развитием укрепленных замков, городищ и представляла собой различные формы направления экономики кочевников. Все казахские поселения, сопровождавшиеся сетью ирригационных сооружений в форме «арыков и земель, подвергавшихся обработке», по мнению исследователя, свидетельствуют о комплексном характере экономики и развития, наряду со скотоводством и земледелием.

По сведениям В. Грошева, ирригация как метод искусственного увлажнения земель возникла на территории Южного Казахстана в середине I тысячелетия до н.э. Одним из «больших районов орошаемого земледелия в древности и Средневековье является юго-западное Семиречье, Таласская и Чуйская долины, расположенные на стыке земледельческих оазисов и кочевой степи». Отметив географические особенности территории долин рек Чу и Талас, берущих начало в горах Киргизского Алатау, исследователь заметил, что в водоснабжении населения края немаловажную роль играли источники родникового происхождения, вокруг которых формировался своеобразный тип ведения хозяйствования с развитой сетью оросительных сооружений.

В результате исследований тюркского наследия замечено, что в районе локализации культового мемориального комплекса Жайсан все пригодные к обитанию места с водными источниками заняты остатками поселений, небольшими по площади участками для возделывания огородных культур, развитой системой арыков и других ирригационных коммуникаций.

В целом результаты анализа проблемы о вкладе тюрков в мир ценностей культурных достижений населения Центральной Азии и Евразии эпохи Средневековья свидетельствуют, что для развития экономики тюркского населения Жетысу, Чу-Таласской долины в том числе была характерной комплексная форма хозяйствования. Исследования позволяют судить, что кочевнический способ ведения экономики в регионе Жетысу и Южного Казахстана характеризуется комплексностью и многообразием форм хозяйствования. Наряду с оседлостью интенсивно развивается кочевнический способ хозяйствования.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что так как кочевничество являлось одной из ведущих форм жизнеобеспечения номадов, которое наряду с другими типами хозяйствования обеспечивало жизнедеятельность социума и вне сферы отечества, ведение этой формы хозяйства считалось более престижным. В пользу того, что население, в силу каких-либо причин не владеющее скотом, оседало и вело уже иной способ хозяйствования, нежели кочевой, считавшийся наиболее престижным, говорят наблюдения С. Толстова. Исследователь обращает внимание на то, что «кочевая скотоводческая аристократия противопоставляет себя оседлому населению огузских городов — «ятукам». Названный социально окрашенный термин впервые упоминается Махмудом Кашгари. Тюркский термин «ятук» дожил до XX века в казахском языке в форме «джатак» и служил для обозначения понятия «оседлый бедняк», т. е. человек, не имеющий скота для кочевания».

Две основные формы ведения экономики, оседлость и номадизм, послужили в качестве факторов дифференциации мировоззренческих устоев. В результате процесса смены идеологии мир кочевой степи стал обособлять себя от города, продолжая жить в соответствии с устоявшимся способом хозяйствования, длительное время оставаясь верным своим мировоззренческим приоритетам, сложившимся в обществе на протяжении тысячелетий. Неповторимое сочетание различных форм культуры тюркских этносов, отраженное в таких памятниках культуры, как святилища с наскальным искусством, с каменными изваяниями, обособленных культово-ритуальных объектах, родовых тамгах, памятниках рунической письменности, которые высекались на скалах, является ярким свидетельством этнокультурного облика тюркских племен, населявших просторы казахской степи в период Средневековья.

Функционирование города как социальной структуры в корне отличалось от жизни в степи. Неотъемлемой частью городской культуры были здания — храмы/молельни. В кочевой степи таковыми являлись святилища с каменными скульптурами обожествленных предков. Частью города является некрополь, а курганы кочевников выселись на широких пространствах степи. В городах находились дворцы для проведения различных общественных церемоний, в степи такую роль выполняли живописные уголки с наскальными рисунками и каменными изваяниями. Сакральные земли маркировались родовыми тамгами, знаками обычного права номадов. Родовые тамги — свидетельства принадлежности собственнику, хозяину конкретной земли — высекались на границах территорий, на культовых объектах и как символы власти на монетах каганов, тамгами метили скот,

различные предметы. Каменные алтари в местах совершения ритуала жертвоприношения, сопровождаемые руническими текстами и тамгами, находились в центре земель номадов, в том же пространстве, где размещались культовые памятники с образами божественных предков. Нигде в пространстве, ограниченном стенами городов, нет храмов, подобных тем, которые были сооружены в степи, аналогами которых являются сакральные комплексы уникальных святилищ Мерке, Жайсан и Кумай. Каждое из святилищ, представленное комплексом многочисленных погребальных и ритуальных сооружений, является непревзойденными образцами уникальной степной культуры западных и восточных тюркских племен во всем многообразии.

В контексте предстоящего празднования 550-летия Казахского ханства, созданного ханами Жанибеком и Кереем на территории долины реки Шу, становится очевидным, что выбор этой территории был основан на идеологических и экономических приоритетах. Земли в пределах Или, Шу и Таласа с центральными владениями в округе города Тараза являли собой владения, способствующие жизнеобеспечению во всех направлениях. В контексте международных взаимоотношений тюркских народов и казахов названные территории служили и в качестве буферных, контактных зон трансконтинентальной трассы Великого Шелкового пути.

Айман ДОСЫМБАЕВА,
доктор исторических наук,
профессор ЕНУ имени Л. Н. Гумилева